

Academia. Архитектура и строительство, № 1, стр. 51–61.
Academia. Architecture and Construction, no. 1, pp. 51–61.

Исследования и теория
Научная статья
УДК 721:725
DOI: 10.22337/2077-9038-2023-1-51-61

«Адаптивный» и «универсальный» подходы В.П. Калмыкова и В.А. Лаврова на примере архитектурно-пространственной организации квартала в проектах среднеазиатских соцгородов

Верхотуров Филипп Владимирович (Москва). Фонд ДОМ.РФ (Россия, Москва, Воздвиженка 10. ДОМ РФ). Эл. почта: f.verkhoturov@markhi.ru

Верхотурова Мария Владимировна (Москва). Кафедра архитектуры Института архитектуры и градостроительства национального исследовательского Московского государственного строительного университета (Россия, 129337, Москва, Ярославское шоссе, 26. НИУ МГСУ). Эл. почта: mrvr18@mail.ru

Аннотация: Сравниваются жилые кварталы, спроектированные Объединением архитекторов-урбанистов (АРУ) в 1930 году для соцгорода Новый Чарджуй (арх. В.П. Калмыков и Л.О. Гриншпун) и Намангана (арх. В.А. Лавров и В.С. Попов). С помощью метода цифрового моделирования различных типов жилых домов восстановлена архитектурно-пространственная организация застройки, определена степень соответствия региональным традициям после построения дома. Выявлены композиционные приёмы, применённые архитекторами-урбанистами при проектировании квартала среднеазиатских соцгородов. Истоки происхождения этих приёмов показаны в комплексе с проектными предложениями архитекторов АРУ для Автостроя и Зелёного города (1929–1930) и других творческих объединений, что позволило определить творческие подходы к решению проектных задач: «адаптивный» В.П. Калмыкова и «универсальный» В.А. Лаврова.

Ключевые слова: Объединение архитекторов-урбанистов, В.П. Калмыков, В.А. Лавров, жилая застройка, среднеазиатский социалистический город, жилой квартал, Н.А. Ладовский

Для цитирования. Верхотуров Ф.В., Верхотурова М.В. «Адаптивный» и «универсальный» подходы В.П. Калмыкова и В.А. Лаврова на примере архитектурно-пространственной организации квартала в проектах среднеазиатских соцгородов // Academia. Архитектура и строительство. – 2024. – № 1. – С. 51–61. – DOI: 10.22337/2077-9038-2023-1-51-61.

“Adaptive” and “Universal” Approaches by V.P. Kalmykov and V.A. Lavrov on the Example of the Architectural and Spatial Organization of a Quarter in the Projects of Central Asian Socialist Cities

Verkhoturov Filipp V. (Moscow). Moscow Institute of Architecture (state Academy) (11, Rozhdestvenka st. 11, Moscow 107031. MarchI). E-mail: f.verkhoturov@markhi.ru

Verkhoturova Mariya V. (Moscow). Department of Architecture of the Institute of Architecture and Urban Planning of the National Research Moscow State University of Civil Engineering (Russia, 129337, 26, Yaroslavskoye Shosse, Moscow, Russia. NRU MGUSU). E-mail: mrvr18@mail.ru

Abstract: The article compares the residential quarters designed by the Association of Architects-urbanists (ARU) in 1930 for the social city of New Chardzhui (architects Victor Kalmykov and Leonid Grinshpun) and Namangan (architect

Vitaly Lavrov). The architectural and spatial organization of the building was restored using the method of digital modeling of various types of residential buildings. Authors determined the degree of compliance with regional traditions of house building. Compositional techniques used by urban architects in designing a quarter of a Central Asian city were revealed for the first time.

These techniques' origins were shown with the theoretical reasoning and practical ideas of ARU for the Avtostroy and Green City projects designed in 1929–1930. This approach made it possible to determine the creative methods of two prominent representatives of the association: «adaptive» Victor Kalmykov and «universal» Vitaly Lavrov.

Keywords: the Association of Architects-urbanists (ARU), Victor Kalmykov, Vitaly Lavrov, residential development, Central Asian socialist city, residential area

For citation. Verkhoturov F.V., Verkhoturova M.V. “Adaptive” and “Universal” Approaches by V.P. Kalmykov and V.A. Lavrov on the Example of the Architectural and Spatial Organization of a Quarter in the Projects of Central Asian Socialist Cities. In: *Academia. Architecture and Construction*, 2024, no. 1, pp. 51–61, doi: 10.22337/2077-9038-2023-1-51-61.

Введение

Деятельность Объединения АРУ (1928–1932), созданного Н.А. Ладовским вместе с последователями творческого направления «рационализм», выделялась среди представителей традиционализма и конструктивизма отношением к архитектурному пространству. Исследователи советской архитектуры – В.Э. Хазанова, С.О. Хан-Магомедов и А.В. Иконников – подчёркивают особенность концепции АРУ для формирования разнообразия городской среды и её эмоционального восприятия. По определению В.Э. Хазановой, в проектах АРУ периода 1928–1929 годов «...раскрывались возможности разнообразных объёмно-пространственных композиций стандартной жилой застройки, где немногими средствами художественной выразительности были острота силуэта, ритмические построения, контрастные сопоставления, цвет, озеленение» [19, с. 83]. Некоторые из этих положений, декларируемые АРУ в начале 1930-х, в настоящее время совпадают с приоритетными направлениями современного урбанизма. Функциональное и визуальное разнообразие жилых кварталов является одним из важных критериев комфортности городской среды. В Стандарте комплексного развития территорий – методическом руководстве по развитию застроенных территорий и освоению новых, для узнаваемости групп кварталов и простоты ориентации в них рекомендуется размещать «...жилые дома с контрастными архитектурному окружению силуэтом, материалами или пластикой фасада»¹.

До сегодняшнего дня проекты АРУ не были специальным объектом анализа, а творческий путь каждого участника объединения всё ещё остаётся малоизученным². Исключение – монографии С.О. Хан-Магомедова об учениках Н.А. Ладовского, преданных его идеям – В.А. Лаврове и В.П. Калмыкове [20; 21]. Архитекторы разных поколений длительное время занимались проблемами планировки городов в Средней Азии. Им удалось

создать яркие концептуальные проекты, представляющие большой интерес для исследователей истории архитектуры. Проекты являлись «достопримечательностями», служащими «примерами градостроительного искусства...бережно сохранившими всё, что оказалось живым и потому вечным, в традициях...» [19, с. 95], утопиями с прогнозами жизнедеятельности народов Востока, ставшие, с учётом традиций, «...антитезой обезличенным проектам образцовых соцгородов» [14, с. 69]. В контексте проблемы социалистического расселения и политики освоения национального наследия азиатских республик СССР отдельные аспекты планировки новой столицы Туркменской ССР Новый Чарджуй и реконструкции городов Ферганской долины так или иначе затрагивались в работах Ш.Д. Аскарлова [1], Ю.Л. Косенковой [8], Е.Г. Малиновской [14] и И.Г. Ивановой [6].

Задача данной статьи – рассмотреть обоснования и выявить истоки применения В.А. Лавровым и В.П. Калмыковым конкретных композиционных приёмов при формировании застройки в среднеазиатских проектах. Новый взгляд на среду проектируемых городов открывает анализ архитектурно-пространственной организации квартала. Благодаря цифровой реконструкции квартала стало возможным наглядно, с точки зрения жителя, продемонстрировать разницу методов построения квартала Калмыковым и Лавровым.

Жилой квартал в проектах соцгородов Нового Чарджуй и Намангана

Исторически сложилось, что в теории и практике градостроительства применялись термины «жилой комбинат» и «жилой комплекс». Под этими понятиями архитекторы имели ввиду единый архитектурный объект, в котором жилая и общественная часть соединялась переходами. Однако в постановлении ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта» (май 1930) стала

¹ Стандарт комплексного развития территорий. Книга 1 (разработан Минстроем России и ДОМ.РФ вместе с КБ Стрелка по поручению Председателя Правительства РФ) URL: <https://xn--d1aqf.xn--p1ai/urban/standards/printsipy-kompleksnogo-razvitiya-territoriy/>. С. 57.

² Ф.В. Верхотуровым выявлены ранее неизвестные данные о реализации В.С. Поповым и С.А. Лопатыным в 1927 году крупных объектов в Самарканде [2], а также о результатах научного интереса В.А. Лаврова к Средней Азии в 1940-е годы [3].

актуальной задача соединить жилой комбинат и жилой квартал [16, с. 161–162].

Разработка проекта Нового Чарджуя и проекта реконструкции Намангана началась практически одновременно с выходом этого постановления. Возможно, поэтому в пояснительных записках Лаврова и Калмыкова можно встретить понятия «жилой комбинат» [7, с. 40] и «жилой квартал» [13, с. 39]. Фактически двухэтажные жилые дома в обоих проектах не имели ничего общего с домами-коммунами. Общественная часть вынесена в отдельные рядом стоящие здания. Оптимальная плотность застройки, размеры квартала и принципы размещения общественных зданий не были чётко определены законодательством [16, с. 165]. Однако не только поэтому проекты среднеазиатских городов АРУ отличаются разнообразием интерпретаций жилого квартала.

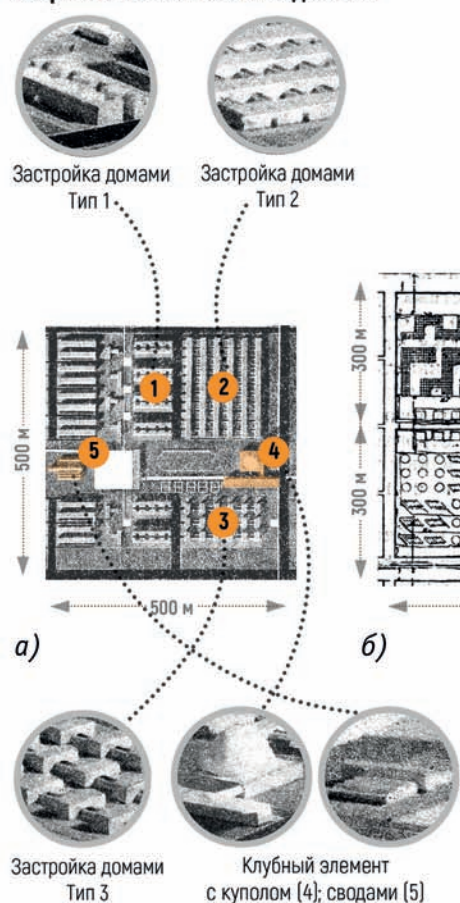
Укрупнённый квартал в Новом Чарджуе (300×1200 м) строился как большое количество сочетающихся между собой четырёх типов жилых домов; состоял из четырёх автономных жилых комбинатов (300×300 м) с собственным обслуживанием: ясли, детские сады, общественные объекты. Характер такой среды можно обозначить как децентрализованный, так как центральная доминанта композиции отсутствует. В гра-

ницах квартала в Намангане (500×500 м) Лавров предлагал три типа домов, которые блокировались только в строчную застройку. Несколько монотонная застройка композиционно подчинялась центральной площади с расположенными на ней общественными зданиями: одно – с куполом диаметром около 40 м (клубный элемент), а другое – со сводами.

В планировке Нового Чарджуя архитекторами подразумевалось упрощённое, прямолинейное движение по маршруту «производство–жилье–культзона». Прямые улицы облегчали прокладку городских коммуникаций и ирригационных каналов, стимулируя равномерный рост всех зон города. Данный проект выделялся на фоне остальных конкурсных проектов главным принципом – «единство разнообразного» [19, с. 95]. В каждом квартале содержатся различные варианты застройки: узоры жилых кластеров³, выстроенные в ряд, двухэтажные круглые дома с зигзагообразными корпусами, а также купольные жилые павильоны на одного-двух человек.

³ Под «кластерной» застройкой понимается множество прямоугольных ячеек, сгруппированных для защиты от жары и пыли, экономии стеновых материалов. В таких образованиях устраивались «прорывы для садов и бассейнов». Термин «кластерной» застройки введён Ш.Д. Аскаровым [1]

Квартал г. Намангана и Андижана

Квартал г. Нового Чарджуя

Рис. 1. Жилые кварталы в проектах АРУ для Средней Азии. 1930 год. Схема Ф.В. Верхотурова: а) типовый квартал Намангана и Андижана. Архитекторы В.А. Лавров и В.С. Попов (источник: [13]); б) соцгород Новый Чарджуй. Архитекторы В.П. Калмыков и Л.О. Гриншпун (источник: [7]); в) соцгород Новый Чарджуй. Архитекторы В.П. Калмыков и Л.О. Гриншпун. Вариант

Кластерная застройка имела мощный формообразующий потенциал. Квадратные в плане стандартные жилые ячейки (4×4 м) собирались в корпуса из двух рядов шириной 8 м или трёх шириной 12 м. Между корпусами устраивались коридоры-улицы шириной 2,2 м, откуда осуществлялся вход в квартиры⁴. Кластер был развит по ортогональной сетке и свободно организовывался в один ансамбль со всеми важными пространственными компонентами городской структуры: от замкнутого внутреннего двора до площадей с бассейнами и ведущими к ним аллеям. Это придавало кварталу функциональное и планировочное разнообразие. Как отмечали авторы проекта Новый Чарджуй, высокая плотность застройки защищала жильё от жары, песчаных бурь и сокращала затраты на возведение стен [7, с. 42].

Каждая малогабаритная ячейка имела выход на улицу. Из-за этого на фасадах длинных корпусов образовывалось множество входных дверей. Крытые коридоры-улицы не выделялись входными арками или порталами. При высокой плотности застройки жители могли испытывать трудности с ориентацией в пространстве. Такая картина возникала только при застройке всего квартала, то есть всех четырёх жилых комбинатов, что можно увидеть на генеральном плане квартала (см. рис. 1 б).

Следующий тип жилой застройки квартала состоял из зигзагообразно блокируемых корпусов (тип 3.2) и круглых в плане двухэтажных зданий с квартирами и общими кухнями (тип 2) (см. рис. 5 а).

Эти два типа домов кардинально отличались по форме и объёму: точечная застройка контрастировала с протяжённой, а монументальные круглые дома с малым количеством деталей отличались от «ажурных» зигзагообразных блоков с их игрой теней на фасаде. Точечная застройка и короткие ряды блоков не создавали замкнутых пространств, защищающих от ветра, пыли и жары. В данном случае в отличие от кластерной застройки, где сама структура служит защитой от неприятных природных условий, эта роль отводилась озеленению.

Отдельно стоящие купольные павильоны четвёртого типа стали визитной карточкой не только данного проекта, но и творчества Калмыкова в целом [21, с.29]. Павильоны не блокировались, но при каждом был предусмотрен придомовый участок⁵. Авторы пытались разнообразить метрическую расстановку павильонов размещением специального общественного здания с выразительным архитектурным обликом (см. рис. 6 п.8).

⁴ Коридоры-улицы предполагались крытыми, чтобы защитить жильё от солнца, но в случае с корпусами протяжённостью около 50 м инсоляция в комнаты без антреселей ограничивалась. Их окна выходили только в коридор-улицу. Поэтому для освещения предусматривалось световое окно в крыше, которая служила террасой для соседской ячейки с антресолью.

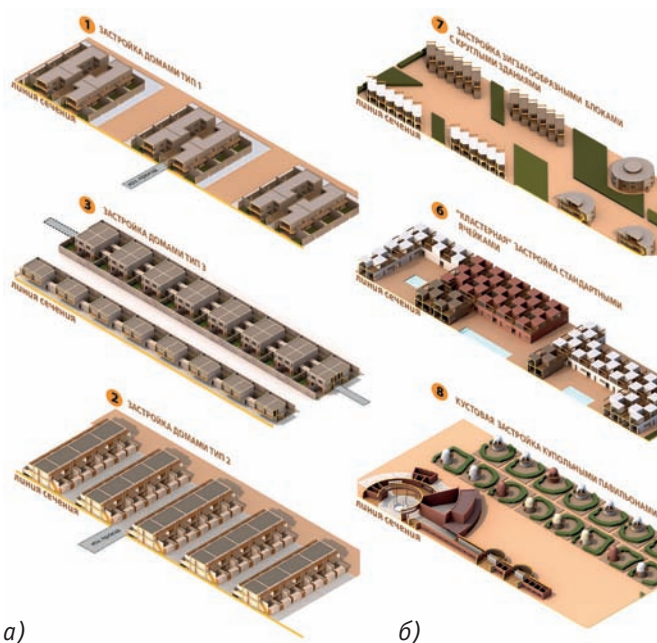
⁵ Следует отметить, что проектом В.П. Калмыкова и Л.О. Гриншпуна предусматривалась ячейка с садом вместо соседней ячейки без антресели.

⁶ Торговый центр «старого города» крайне, переуплотнённый, примечателен тесной застройкой, маленькими размерами участков, очень развитой системой улиц (короткие связи) для пешеходного движения и почти полным отсутствием зелени. В пригороде замкнутая жизнь в сельскохозяйственных и кустарных районах из-за привязанности жилья к месту работы (с/х участок или мастерской) не создавала необходимости в развитой сети улиц.

При анализе планировочной сетки исторического среднеазиатского города В.А. Лавров и В.С. Попов выявили специфику его формирования⁶, достигаемую за счёт контраста между застройкой центральной торговой площади и сельскохозяйственного пригорода, то есть между «европейской» и «азиатской» частями. Архитекторы задались целью не противопоставлять эти части и создали унифицированную модель квартала, сгладив столь сильную разницу между плотной застройкой центра и пригородом «азиатской» части города.

Хозяйственный проезд в квартале Намангана и Андижана, предназначенный для пешеходов, служит осью застройки с использованием всех трёх типов домов. Он сформирован высокой глухой стеной перед фасадом дома, ограждающей участок, – традиционным дувалом. К этой стене с внутренней стороны примыкают обслуживающие помещения (душ, санузел), за счёт отсутствия оконных проёмов в которых формируется монотонность улицы. Эти свойства улицы имеют много общего с традиционными улицами среднеазиатского города, но проектируемые проезды качественно отличались от узких и кривых улочек, возникших из-за неразвитости общественной жизни, стремления изолировать участок от уличного шума. Архитекторы предлагали благоустроенные прямые и широкие проезды с централизованным коммунальным обслуживанием.

Застройка домами третьего типа (см. рис. 3) формирует наиболее разнообразный вид. Секция длиной 140 м имеет нависающую над проездом часть второго этажа, которая чередуется со «световыми колодцами»: это оригинальное решение защищает улицу и дома от солнца. В доме для большой семьи также выделен второй этаж (первый тип). Одна из ограждающих стен второго этажа решена заподлицо со

а) б)
Рис. 2. Аксонометрическое изображение фрагментов жилой застройки в разрезе (цифровая модель). Реконструкция выполнена Ф.В. Верхотуровым: а) Наманган и Андижан; б) Новый Чарджуй

стенной-дувалом, что создаёт ощущение чередования высотных акцентов. Между акцентами на верхней отметке дувала размещена деревянная решётка для создания тени по всей ширине проезда (см. рис. 2 а).

Декоративные свойства озеленения проявлялись в случае застройки домами второго типа. Кроны деревьев, высаженных перед фасадом дома, хорошо просматривались, придавая органичный и живописный вид всему проезду. Деревья, высаженные рядом на участках домов первого и третьего типов, видны фрагментарно.

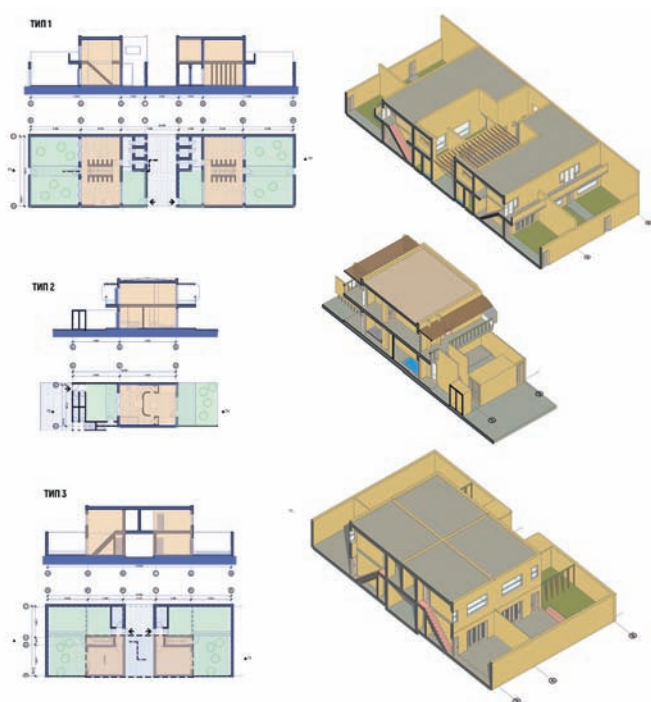

Рис. 3. Типовые дома в проекте реконструкции Намангана и Андижана. Схема Ф.В. Верхотурова

Отражение региональных традиций построения дома

В отличие от квартала в Намангане, в жилом квартале Нового Чарджуя для придания формам выразительности использована более богатая палитра средств.

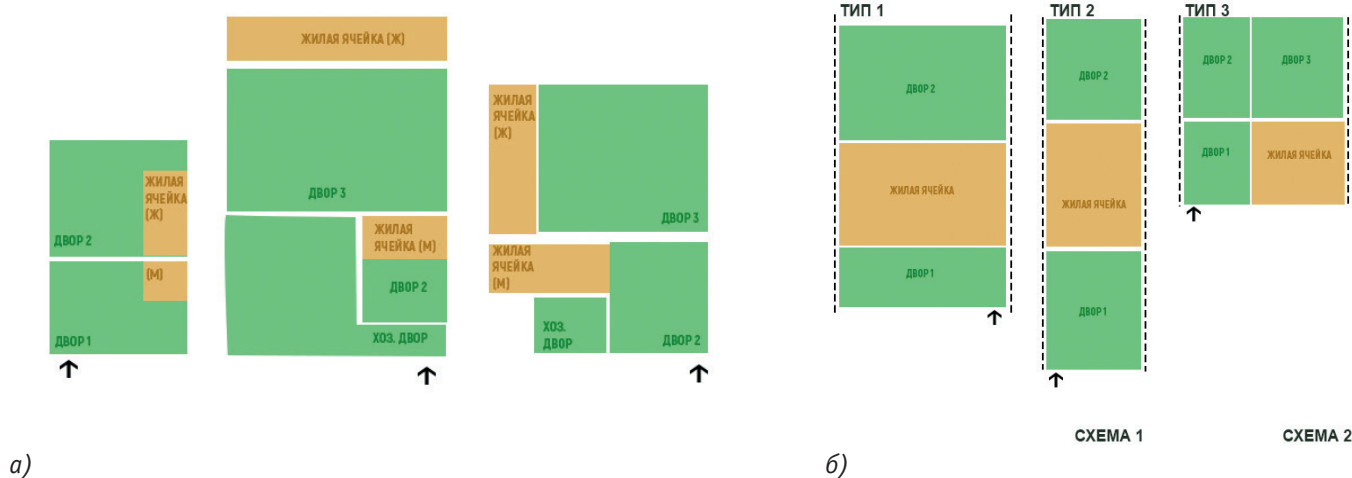
За монотонностью жилой застройки скрыто главное достоинство проекта Намангана – учёт принципов построения традиционного дома Ферганской долины: пространственное разнообразие типов жилья, их функциональная гибкость, открытость и живописность.

Основу плана загородной усадьбы ферганского типа составляет жилая ячейка, свободно расположенная на участке (рис. 4 а). Формообразующей единицей домов Лаврова и Попова были дворы (рис. 4 б). Предполагалось, что для семейного дома во дворе будет разбит сад (первый тип), а в доме второго типа из спальни был организован выход на террасу. Помимо летнего двора и сада, дом третьего типа имел хозяйственный двор⁷. Для создания ощущения большего пространства внутреннего дворика предусматривались складывающиеся двери или панорамные окна.

Своеобразие ферганской архитектурной школы видно в таких характерных элементах как симметричное расположение комнат по обе стороны полуоткрытого помещения, лёгкие раздвижные стенки, крытый дворик с верхним светом, каминны определённого типа (кашгарча), планировка дома с галереями по фасаду, южная ориентация, подъёмные решётчатые ставни. Всё это отсылает к архитектурным приёмам китайского жилища⁸. Жилище легко перестраивалось под новые условия жизни в семье. Все три типа жилья не предусматривали айвана – центральной комнаты,

⁷ Площадь всех дворов примерно одинакова: первый тип – 52 кв. м; второй тип – 42 кв. м; третий тип – 52,7 кв. м.

⁸ Особенность ферганского дома обусловлена географическим положением долины. Замкнутые с юга и севера горными хребтами города сохраняли политическую автономию. Это не мешало жителям долины тесно взаимодействовать с соседней китайской цивилизацией. До начала нашей эры китайцы заимствовали из Ферганы приёмы разведения винограда и люцерны, а ферганцы у китайцев – производство железных орудий [4]

а)

б)

Рис. 4. Схема расположения жилой части домов на участке. Автор схемы Ф.В. Верхотуров: а) планы традиционных городских и загородных усадеб ферганского типа; б) планы жилых ячеек на участках в проекте реконструкции Намангана и Андижана (схема 1 для жилых домов первого и второго типов; схема 2 для жилых домов третьего типа)

организующей вокруг себя жилое пространство. Отсутствие айвана относит новые типы домов к категории самых скромных для Ферганской долины. Тем не менее пространственность домов заключается в наличии крытых элементов – лоджий, террас и навесов, связывающих объём здания с его окружением.

В программе конкурса на проект Нового Чарджуя организаторы призывали участников отразить бытовые и местные осо-

бенности в оформлении новой столицы⁹. Архитекторы из ОСА и Гипрогора описали систему расселения чарджуйского оазиса не совсем точно: «...беспорядочно разбросанные кишлаки, состо-

⁹ Требовалось учесть характер Чарджуйской долины с её климатическими, бытовыми и местными особенностями, отразив их в общем оформлении соцгорода. Однако без внимания остался такой важный формообразующий фактор, как народное жилище коренных жителей долины – туркменского племени эрсари.

А

Б

Рис. 5. Перспективные виды застройки. Цифровая модель Ф.В. Верхотурова. А – проект Нового Чарджуя: 1) «кластерная» застройка; 2) застройка круглыми зданиями и зигзагообразными корпусами; 3) кустовая застройка купольными павильонами; Б – проект Намангана и Андижана: 4) застройка домами первого типа; 5) застройка домами второго типа; 6) застройка домами третьего типа

ящие из системы глинобитных кибиток на одну семью» [17]. На самом деле, жители оазиса – осёдлые эрсаринцы – размещались рассредоточено – хуторским типом в специфичных усадьбах-ховлах [15, с. 455]. Высотной доминантой усадеб являлся «учек» – двухэтажная массивная башня, сужающаяся кверху, с приставной лестницей. Ещё более своеобразный элемент – «кумме́з»

(«гумбаз») – строение до 7 м высотой в форме эллипсоидального купола с очагом в центре. Из-за образного, конструктивного¹⁰ и функционального сходства новые типы жилья архитекторов АРУ оказались уместными именно в Чарджуйском оазисе.

Предстоит выяснить, использовал ли Калмыков куммез как первообраз для купольного павильона в Автострое и Новом Чар-

¹⁰ Выбор архитектором камышитовых плит и глины для купольного павильона также отражал местную специфику, но отсутствие «подушки» в виде со-леизолирующей прослойки, которую часто использовали местные жители, могло нарушить его целостность.

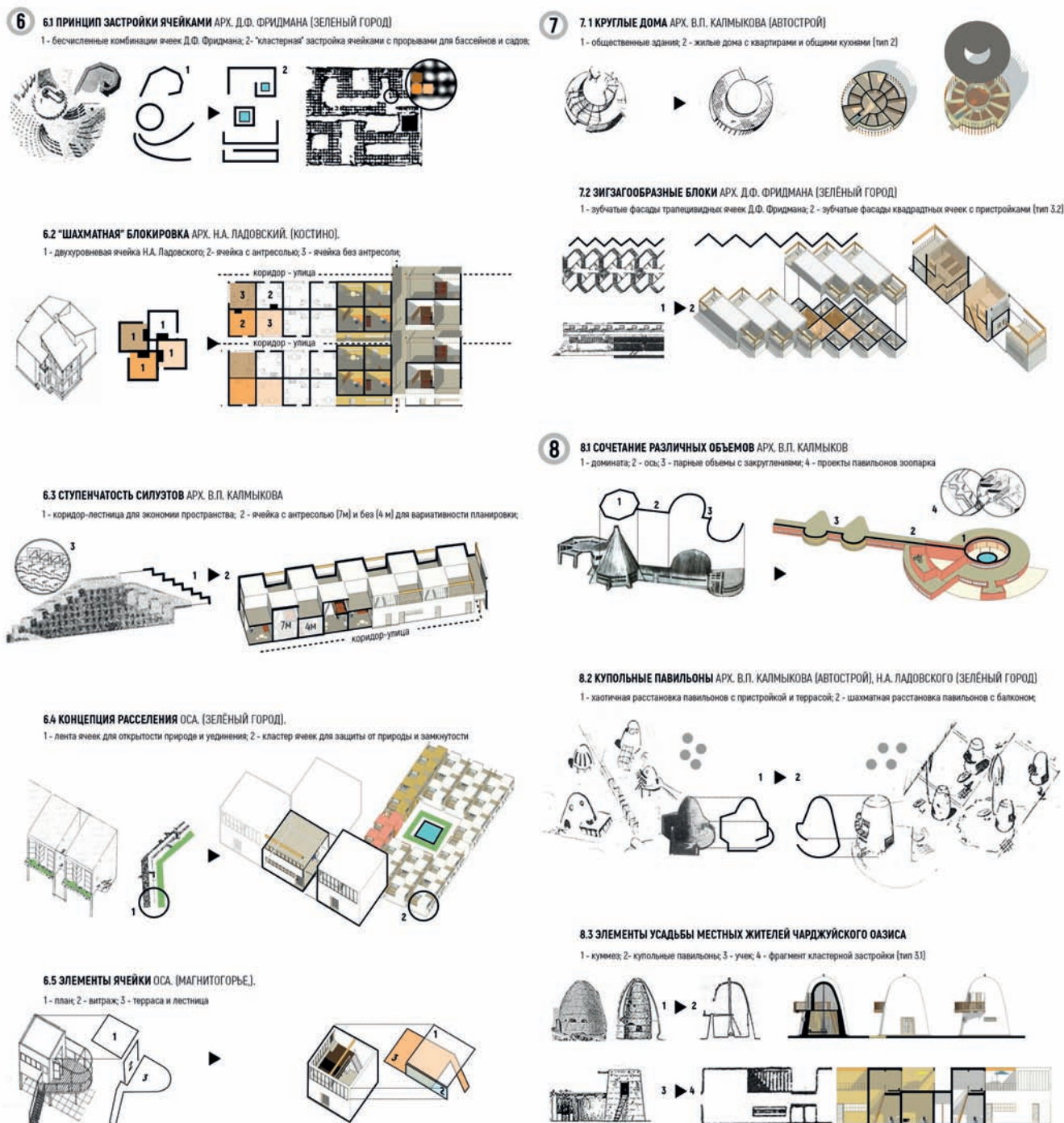

Рис. 6. Адаптация В.П. Калмыковым разработок для Автостроя и Зелёного города под проект Новый Чарджуй. Схема Ф.В. Верхотурова

джуе и учек для квадратных в плане ячеек, так как конкретных ссылок на это в архивных документах и в статьях архитектора обнаружено не было. В конце 1920-х архитекторы часто использовали аналогичные круглые в плане «параболические» дома¹¹. Такая форма считалась энергоэффективной в отличие от традиционной прямоугольной. Важно отметить, что образно купольный дом из-за мобильности и компактности воспринимался архитекторами подходящим для жизни «городского кочевника», отшельника, на время удалившегося от городской суеты¹².

«Адаптивный» подход В.П. Калмыкова

Адаптивный подход В.П. Калмыкова основан на том, что архитектор цитировал свои предыдущие разработки и приспособлял концептуальные идеи коллег для других климатических условий к особенностям места проектирования в Средней Азии. Результатом стали самобытные проекты, подходящие любому региону с жарким климатом. К часто используемым Калмыковым приёмам можно отнести: сочетание разных по форме объёмов в один объект, ступенчатость, объёмные фасады (зубчатость), шахматное расположение объёмов, скруглённые углы, использование купола для жилых зданий (рис. 6). Рассредоточенный общественный центр квартала (децентрализованный).

Для Нового Чарджуя архитектор адаптировал разработки из проекта Автостроя: купольная застройка купольными павильонами; круглое двухэтажное жилое здание; ступенчатость силуэта домов (рис. 6). Павильон Автостроя стал прообразом зимнего туристического павильона в конкурсном проекте Зелёного города Н.А. Ладовского 1930 года. В проекте для Автостроя купольные павильоны, в отличие от павильонов в Новом Чарджуе, были шире в основании, имели прямоугольную или круглую в плане пристройку, разнообразные оконные проёмы (от круглых до вытянутых по вертикали) и располагались в хаотичном порядке на периферии города. В жилом комбинате Автостроя на 1000 человек ступенчатый силуэт был сформирован коридорами-лестницами (для экономии жилого пространства), а в «кластерной» застройке Нового Чарджуя для вариативности планировки – посредством высотного перепада от ячейки с антресолью (7 м) к ячейке без антресоли (3 м).

На фоне общего энтузиазма, идеи участников конкурса на проектирование Зелёного города архитектора АРУ Д.Ф. Фридмана, М.Я. Гинзбурга и М.О. Барща из ОСА, вероятно, оказали сильное влияние на В.П. Калмыкова и Л.О. Гриншпуна.

«Кластерная» застройка в проекте Нового Чарджуя исходит из принципа «бесчисленных» комбинаций Д.Ф. Фридмана для Зелёного города, согласно которому стандартные ячейки

блокировались в корпуса сложной формы (рис. 6, п. 6.1.). По словам Фридмана, кроме выразительного образа объектов, данный принцип обеспечивал независимость от рельефа местности и ориентации по сторонам света, хорошую вентиляцию дворов при любой комбинации (спиралевидной, круглой и т.д.). Сами по себе стандартные ячейки имели зигзагообразный силуэт, зубчатые фасады с треугольными окнами и круглыми фонарями верхнего света [18, с. 28].

Надо полагать, в проекте Нового Чарджуя архитекторы АРУ учли негативный отзыв В.Н. Симбирцева, оценившего застройку Фридмана как «декаданс в архитектуре», отметившего «причудливые гусеницы комбинатов» и «навязчивую идею динамичности» [19, с. 31], и отказались от излишней сложности в композиции «кластеров». Плоские фасады корпусов из квадратных ячеек были проще, а зигзагообразный силуэт достигался постановкой той же простой ячейки под углом (тип 3.2).

Ячейка с антресолью архитекторов АРУ в проекте Нового Чарджуя имеет много общего с ячейками архитекторов ОСА для Магнитогорска и Зелёного города: панорамное остекление, форма и размеры плана, два уровня (рис. 6 п. 6.4–6.5)¹³. Конструктивисты соединяли ячейки в одну непрерывную ленту, которая транслировала идею простора и широты восприятия (не видно соседей, двухсторонняя ориентация, открытость природе). В «кластерах» АРУ изоляция от природы и тесное соседство могли вызвать просматриваемость окон соседями, шум, отсутствие видов из окна. Один и тот же приём сочетания разных по форме объёмов можно заметить на примере общественного здания для купольной застройки и павильона для Зелёного города (рис. 6, п. 8.1).

«Универсальный» подход В.А. Лаврова

Данный подход основан на научной объективности, опирающейся на анализ местных планировочных традиций и климата. Результатом такого подхода стали проекты домов, которые отражали архитектурные традиции конкретного региона (Ферганской долины). Геометрические приёмы работы с линейными формами не обладают такой широкой палитрой, как у Калмыкова: надстройка, отсечение, рядная блокировка, плоский фасад; купол и свод для общественных зданий с целью выделить их функциональный статус; ярко выраженный общественный центр квартала (централизованный).

Такой подход, возможно, скрыл образную индивидуальность типового квартала Намангана и Андижана (см. рис. 5 б), но способствовал созданию ценного примера работы по адаптации традиций к современной жилой архитектуре. Поэтому из творческого опыта В.А. Лаврова

¹¹ Известен проект Б. Таута и А.В. Бунина

¹² В проекте Зелёного города Е.Л. Иошелес предлагал переносную жилую ячейку на одного человека. Из воспоминаний архитектора: в лёгкой, ажурной ячейке из плетёных жердей человек должен был «...жить один в лесу, как Диоген, пресытившись городом». Проект представлял собой хижину с навесом перед ней.

¹³ Разница в том, что у конструктивистов ячейки на ножках, лестница снаружи, высота жилого уровня 2,8 м, приставная терраса. У АРУ вход с земли, лестница внутри для доступа на антресоль, высота 7 м, террасой служит крыша соседней ячейки без антресоли.

¹⁴ Преимуществом полукруглой жилой ячейки Крутикова, по мнению архитектора, было отсутствие остроконечных и купольных завершений (использование которого сомнительно) и комбинирование разнообразных типов – от особняка до многоквартирного фаланстера, соединение в блоки.

до реконструкции городов Ферганской долины сложно выделить характерные приёмы формообразования, которые отразились бы в этом и последующих проектах.

В проекте Автострой Г.Т. Крутиков, В.А. Лавров и В.С. Попов добились разнообразия застройки более простыми способами, чем их коллеги в проекте Нового Чарджия: диагональная расстановка жилых корпусов с постепенным уменьшением длины ряда, с акцентом на общественно-жилом здании в форме кольца, располагаемого на пересечении улиц. Форма здания контрастировала со строчной застройкой, чтобы подчеркнуть особую роль его общественной функции и придать «пространственную акцентировку всей жилой зоне в сторону композиционного центра поселения» [9, с. 34]. Авторы обходились без использования сложных геометрических тел, а выстраивали композиции на основе линейных форм (кольцо как замкнутая линейная форма).

Круглые в плане жилые дома с купольным покрытием казались Лаврову и Крутикову бесперспективными¹⁴, поскольку «отсутствие возможности сочетаний отдельных элементов в блочный ряд обобществлённого хозяйства... подчёркивает эту обособленность и в архитектурном отношении» [11, с. 12].

До работы над проектом Намангана Лавров призывал архитекторов освободиться от «стильных» решений в архитектуре народов СССР и перейти к формам чётким, ясным, простым и логичным, а не «уделять внимание эффектам плоскостного, графического решения, без тщательного учёта возможных зрительных искажений объёма сооружения в натуре». В упрощении он видел «...опасность увлечения идеями “конструктивизма” с излишним подражанием технической форме» [10, с. 775]. Уже тогда им был намечен курс на изучение принципов архитектурной выразительности национальных форм с учётом бытовых и климатических особенностей страны: террас, балконов, открытых комнат, расположенных в тени.

Выводы

Архитектурно-пространственная организация Нового Чарджия характеризуется отсутствием индивидуальных участков; планировка домов допускала множество видов блокирования, а также комбинации разных типов застройки на участке: «кластерная», строчная из зигзагообразных ячеек, точечная (круглые дома и купольные павильоны) и ленточная (секции во всю ширину квартала). Использование хаузов (традиционное название бассейнов) только в «кластерной» застройке; при этом сеть арыков композиционно дополняет главные магистрали города.

Для квартала и жилых домов в проекте городов Ферганской долины характерны многофункциональные индивидуальные участки двух типов, обусловленные учётом социальной мобильности и родом деятельности жильцов; планировка домов допускала только строчную застройку; типы домов на участке не комбинировались; прямой и протяжённый внутриквартальный проезд являлся стержнем композиции жилой застройки; хаузы не использованы.

Можно с уверенностью сказать, что два разных творческих подхода к проектированию – «адаптивный» подход В.П. Калмыкова и «универсальный» В.А. Лаврова – привели к одному главному итогу: архитекторам-урбанистам удалось создать проекты, органично сочетающиеся с социальными, культурными и природно-климатическими условиями Средней Азии.

Учитывая общность ограничивающих условий (климат, сейсмика, материал строительства, единый модуль высоты домов) и целей (не переносить механически европейские планировочные принципы, создать разнообразие), полагаем, что разница в композиции жилых кварталов исходит из полноты творческих подходов архитекторов и интерпретации Декларации АРУ. Например, позицию Декларации о «создании организмов гибких в социальном и пространственном отношении» [5, с. 132] авторы проекта Нового Чарджия рассматривали именно в пространственном аспекте: как возможность создания простой ориентировки в квартале и своеобразной городской среды. Лавров и Попов опирались прежде всего на гибкость социальных факторов (много- и малосемейность, род занятий населения), рациональную блокировку домов, а не на разнообразие среды.

Противоположность творческих подходов Калмыкова и Лаврова объясняется также их личностными качествами. Однотипник по вузу Калмыкова Е.Л. Иохелес вспоминал, что он был «очень громким и самоуверенным» участником АРУ, а Лавров «умным, но суховатым». Характер Калмыкова отразился в стремлении выразить свою оригинальность. Он смелее обошёлся с традиционными представлениями о туркменской архитектуре, не вдаваясь в её детальное изучение. Купольные павильоны Калмыкова в Новом Чарджие являются, скорее, удачным совпадением с формой туркменского «кум-меза» (так как аналогичные павильоны применялись им ещё в Автострое). Калмыков родился и вырос в Ташкенте, «знал и любил памятники архитектуры Средней Азии» [20, с. 78]. При работе над проектом столицы Туркмении он чувствовал себя увереннее в отличие от Лаврова – уроженца Киевской области. Как архитектор-исследователь Лавров стремился восполнить знания о незнакомом ему регионе, и, чтобы заложить их в основу планировки типового квартала и жилых домов, погрузился в предпроектный анализ традиций узбекской архитектуры.

Преобладающая научная составляющая творчества Лаврова – без явных формальных экспериментов, и кажущаяся «сухость» – позволяла архитектору долгое время глубоко и последовательно интересоваться историей архитектуры Средней Азии. Увлечение историей среднеазиатской архитектуры и археологией станет важнейшей темой творчества Лаврова на последующие два десятилетия [3].

Экспериментатор В.П. Калмыков сосредоточился на личной манере формообразования и распространил её на среднеазиатскую архитектуру. Исследование исторической архитектуры Средней Азии Калмыкова заинтересует позже, в период разработки проектов поселений для оседающих

кочевников Киргизской ССР. В них архитектор всё также продолжит адаптировать свои разработки из Нового Чарджуй. Вместе с тем архитектор разработал типы застройки, которые по принципу построения оказались близкими к современной параметрической архитектуре.

Достичь такого результата стало возможным благодаря творческой атмосфере, созданной Н.А. Ладовским в АРУ. Уникальность этой атмосферы состояла в возможности двум самым ярким и преданным объединению воспитанникам Ладовского (Лаврову и Калмыкову) успешно транслировать идеи Объединения, при этом не отходя от своих личных творческих подходов. Таким образом, два проекта как бы претворяли различные аспекты концепции Ладовского: «формально-пространственный» и «научно-исследовательский».

Список источников

1. Аскарлов, Ш.Д. Становление социалистической архитектуры в Средней Азии 20-х – начала 30-х годов : специальность 18.00.01 : диссертация на соискание учёной степени кандидата архитектуры / Ш.Д. Аскарлов. – Ташкент, 1975.
2. Верхотуров, Ф.В. Будущие архитекторы-урбанисты С.А. Лопатин и В.С. Попов – авторы ключевых объектов в Самарканде. 1927 год. / Ф.В. Верхотуров. – Текст : непосредственный // Academia. Архитектура и строительство. – 2022. – № 4. – С. 39–51.
3. Верхотуров, Ф.В. Результаты участия В.А. Лаврова в Хорезмской экспедиции 1940 года / Ф.В. Верхотуров, М.В. Верхотурова. – Текст : непосредственный // Архитектура и строительство России. – 2022. – № 3. – С. 66–75.
4. Воронина, В.Л. Народные традиции архитектуры Узбекистана / В.Л. Воронина. – Москва : Гос. изд-во архитектуры и градостроительства, 1951. – 166 с. – Текст : непосредственный.
5. Вторая декларация архитекторов-урбанистов (1931 г.) // Из истории советской архитектуры 1926–1932 гг. : Документы и материалы : Творческие объединения / составитель, автор статей и примечаний В.Э. Хазанова. – Москва : Наука, 1970. – 212 с. – Текст : непосредственный.
6. Иванова, И.Г. Проекты реконструкции городов Фрунзе и Джалал-Абада архитектора В.П. Калмыкова 30-х гг. XX века (к проблеме использования традиционных принципов организации жилой среды народов Киргизии) / И.Г. Иванова. – Текст : непосредственный // Наука, образование и экспериментальное проектирование : Труды МАРХИ : Сборник статей. – 2020. – №1. – С. 143–147.
7. Калмыков, В. Чарджуй / В. Калмыков, Л. Гриншпун. – Текст : непосредственный // Советская архитектура. – 1931. – № 1–2. – С. 36–43.
8. Косенкова, Ю.Л. Освоение наследия в архитектуре советского Узбекистана : специальность 18.00.01 : диссертация на соискание ученой степени кандидата архитектуры / Косенкова Ю.Л. – Москва, 1979. – Текст : непосредственный.
9. Крутиков, Г. Город-коммуна Автострой / Г. Крутиков. – Текст : непосредственный // Советская архитектура. – 1931. – № 1–2. – С. 29–35.
10. Лавров, В.А. Архитектура на выставке искусств народов СССР / В.А. Лавров. – Текст : непосредственный // Строительная промышленность. – 1927. – № 11. – С. 774–777.
11. Лавров, В. К проблеме реконструкции городов в условиях Средней Азии. Статья первая / В. Лавров, В. Попов. – Текст : непосредственный // Советская архитектура. – 1931. – № 3. – С. 30–37.
12. Лавров, В. К проблеме реконструкции городов в условиях Средней Азии. Статья вторая / В. Лавров, В. Попов. – Текст : непосредственный // Советская архитектура. – 1931. – № 4. – С. 38–44.
13. Лавров, Вит. Проектирование рабочего поселка у Измайловского шоссе / Вит. Лавров. – Текст : непосредственный // Строительство Москвы. – 1928. – № 8. – С. 9–12.
14. Малиновская, Е.Г. Национальные школы XX века – социокультурные и профессиональные парадигмы формирования архитектуры столиц. Центральноеазиатский контекст / Е.Г. Малиновская. – Текст : непосредственный // Academia. Архитектура и строительство. – 2020. – № 3. – С. 66–81.
15. Пугаченкова, Г.А. Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма / Г.А. Пугаченкова. – Текст : непосредственный // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Том VI / Под редакцией проф. М.Е. Массона. – Москва : АН СССР, 1958. – 492 с.
16. Старостенко, Ю.Д. Архитектурно-пространственная организация жилого квартала в СССР во второй половине 1920-х – 1930-е годы: от авангарда к «освоению исторического наследия» / Ю.Д. Старостенко. – Текст : непосредственный // Фундаментальные, поисковые и прикладные исследования РААСН по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли Российской Федерации в 2020 году. Сборник научных трудов РААСН : в 2 томах : Том 1. – Москва : АСВ, 2021. – С. 160–168.
17. Соколов, Н.Б. Новый Чарджуй / Н.Б. Соколов. – Текст : непосредственный // Планировка и строительство городов. – 1933. – № 6. – С. 6–14.
18. Фридман, Д.Ф. Социалистический лесной курорт / Д.Ф. Фридман. – Текст : непосредственный // Строительство Москвы. – 1930. – № 3. – С. 25–29.
19. Хазанова, В.Э. Советская архитектура первой пятилетки. Проблемы города будущего / В.Э. Хазанова. – Москва : Наука, 1980. – 374 с. – Текст : непосредственный.
20. Хан-Магомедов, С.О. Виктор Калмыков / С.О. Хан-Магомедов. – Москва : С.Э. Гордеев, 2011. – 160 с. – Текст : непосредственный.
21. Хан-Магомедов, С.О. Виталий Лавров / С.О. Хан-Магомедов. – Москва : С.Э. Гордеев, 2010. – 144 с. – Текст : непосредственный

References

1. Askarov Sh.D. Stanovlenie sotsialisticheskoi arkhitektury v Srednei Azii 20-kh – nachala 30-kh godov [The Formation of

Socialist Architecture in Central Asia in the 20s – Early 30s], Cand. arch. sci. diss. – Tashkent, 1975. (In Russ.)

2. Verkhoturov F.V. Budushchie arkhitektory-urbanisty S.A. Lopatin i V.S. Popov – avtory klyuchevykh ob"ektov v Samarkande. 1927 god [Future Urban Architects S.A. Lopatin and V.S. Popov are the Authors of Key Objects in Samarkand. 1927]. In: *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo* [Academia. Architecture and Construction], 2022, no. 4, pp. 39–51. (In Russ., abstr. in Engl.)

3. Verkhoturov F.V., Verkhoturova M.V. Rezul'taty uchastiya V.A. Lavrova v Khorezmskoi ekspeditsii 1940 goda [Vitaly Lavrov's Khorezm Expedition Results in 1940]. In: *Arkhitektura i stroitel'stvo Rossii* [Architecture and Construction of Russia], 2022, no. 3, pp. 66–75. (In Russ., abstr. in Engl.)

4. Voronina V.L. Narodnye traditsii arkhitektury Uzbekistana [Folk Traditions of Architecture of Uzbekistan]. Moscow, State publishing house of architecture and urban planning, 1951, 166 p. (In Russ.)

5. Vtoraya deklaratsiya arkhitektorov-urbanistov (1931 g.) [Second declaration of urban architects (1931)]. In V.E. Khazanova (compiler, author of articles and notes): *Iz istorii sovetskoi arkhitektury 1926–1932 gg. Dokumenty i materialy. Tvorcheskie ob"edineniya* [From the History of Soviet Architecture 1926–1932. Documents and Materials. Creative Associations]. Moscow, Nauka Publ., 1970, 212 p. (In Russ.)

6. Ivanova I.G. Proekty rekonstruktsii gorodov Frunze i Dzhalal-Abada arkhitekora V.P. Kalmykova 30-kh gg. XX veka (k probleme ispol'zovaniya traditsionnykh printsipov organizatsii zhiloi sredy narodov Kirgizii) [Reconstruction Projects of the Cities of Frunze and Jalal-Abad by Architect V.P. Kalmykov in the 30s of the XX Century (on the Problem of Using Traditional principles of Organizing the Living Environment of the Peoples of Kyrgyzstan)]. In: *Nauka, obrazovanie i eksperimental'noe proektirovanie* [Science, Education and Experimental Design], Proceedings of the Moscow Architectural Institute, Collection of articles. Moscow, MArch Publ., 2020, no. 1, pp. 143–147. (In Russ.) (In Russ., abstr. in Engl.)

7. Kalmykov V., Grinshpun L. Chardzhui. In: *Sovetskaya arkhitektura* [Soviet Architecture], 1931, no 1-2, pp. 36–43. (In Russ.)

8. Kosenkova Yu.L. Osvoenie naslediya v arkhitekture sovetskogo Uzbekistana [Mastering the Heritage in the Architecture of Soviet Uzbekistan], Cand. philos. sci. diss. Moscow, 1979. (In Russ.)

9. Krutikov G. Gorod-kommuna Avtostroï [City-Commune Avtostroy]. In: *Sovetskaya arkhitektura* [Soviet Architecture], 1931, no. 1-2, pp. 29–35. (In Russ.)

10. Lavrov V.A. Arkhitektura na vystavke iskusstv narodov SSSR [Architecture at the Exhibition of Arts of the Peoples of the USSR]. In: *Stroitel'naya promyshlennost'* [Construction Industry], 1927, no. 11, pp. 774–777. (In Russ.)

11. Lavrov V., Popov V. K probleme rekonstruktsii gorodov v usloviyakh Srednei Azii. Stat'ya pervaya [On the Problem of Urban Reconstruction in Central Asia. Article one]. In: *Sovetskaya arkhitektura* [Soviet Architecture], 1931, no. 3, pp. 30–37. (In Russ.)

12. Lavrov V., Popov V. K probleme rekonstruktsii gorodov v usloviyakh Srednei Azii. Stat'ya vtoraya [On the Problem of Urban Reconstruction in Central Asia. Article two]. In: *Sovetskaya arkhitektura* [Soviet Architecture], 1931, no. 4. – S. 38–44. (In Russ.)

13. Lavrov Vit. Proektirovanie rabochego poselka u Izmailovskogo shosse [Design of a Workers' Village near Izmailovskoe Highway]. In: *Stroitel'stvo Moskvy* [Construction of Moscow], 1928, no. 8, pp. 9–12. (In Russ.)

14. Malinovskaya, E.G. Natsional'nye shkoly XX veka – sotsiokul'turnye i professional'nye paradigmy formirovaniya arkhitektury stolits. Tsentral'noaziatskii kontekst Young National Schools of the XX Century – Socio-Cultural and Professional Paradigms for Forming the Capital Architecture. Central Asian context]. In: *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo* [Academia. Architecture and Construction], 2020, no. 3, pp. 66–81. (In Russ., abstr. in Engl.)

15. Pugachenkova G.A. Puti razvitiya arkhitektury yuzhnogo Turkmenistana pory rabovladieniya i feodalizma [Ways of Development of Architecture of Southern Turkmenistan during the Era of Slavery and Feudalism]. In M.E. Masson (ed.): *Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoi arkhelogicheskoi kompleksnoi ekspeditsii* [Proceedings of the South Turkmenistan Archaeological Complex Expedition], Vol. VI. Moscow, AN SSSR, 1958, 492 p. (In Russ.)

16. Starostenko Yu.D. Arkhitekturno-prostranstvennaya organizatsiya zhilogo kvartala v SSSR vo vtoroi polovine 1920-kh – 1930-e gody: ot avangarda k «osvoeniyu istoricheskogo naslediya» [Architectural and Spatial Organization of the Residential Quarter in the USSR in the Second Half of the 1920S–1930s: from the Avant-Garde to the “Mastering Historical Heritage”]. In: *Fundamental'nye, poiskovyie i prikladnye issledovaniya RAASN po nauchnomu obespecheniyu razvitiya arkhitektury, gradostroitel'stva i stroitel'noi otrasli Rossiiskoi Federatsii v 2020 godu* [Fundamental Search and Applied Research of the RAASN on Scientific Support for the Development of Architecture, Urban Planning and the construction industry of the Russian Federation in 2020 year], Collection of scientific works of the RAASN, in 2 volumes, Vol. 1. Moscow, ASV Publ., 2021, pp. 160–168. (In Russ., abstr. in Engl.)

17. Sokolov N.B. Novyi Chardzhui [New Chardzhui]. In: *Planirovka i stroitel'stvo gorodov* [Planning and Construction of Cities], 1933, no. 6, pp. 6–14. (In Russ.)

18. Fridman D.F. Sotsialisticheskie lesnoi kurort [Socialist forest resort]. In: *Stroitel'stvo Moskvy* [Construction of Moscow], 1930, no. 3, pp. 25–29. (In Russ.)

19. Khazanova, V.E. Sovetskaya arkhitektura pervoi pyatiletki. Problemy goroda budushchego [Soviet Architecture of the First Five-Year Plan. Problems of the City of the Future]. Moscow, Nauka Publ., 1980, 374 p. (In Russ.)

20. Khan-Magomedov S.O. Viktor Kalmykov. Moscow, S.E. Gordeev Publ., 2011, 160 p. (In Russ.)

21. Khan-Magomedov S.O. Vitalii Lavrov. Moscow, S.E. Gordeev Publ., 2010, 144 s. (In Russ.)